

**БРАТ
GRIMM**

ЮЛЮС КЕЛЕРАС

На освещенном снегу

СТИХОТВОРЕНИЯ

с литовского
Таисия Орал, Георгий Ефремов,
Виталий Асовский, Елена Клочковская, Egeja d'Aiva

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

УДК 821.112.2–1

ББК 84(4)6

К34

Юлюс Келерас. *На освященном снегу*. Русский Гулливер, Москва 2017. – 134 с.

В основе книги лежит издание

Julius Keleras. *Kol atsivers jūra / Пока не расстутится море*.

ЖК, Вильнюс 2016

Права на публикацию любезно предоставлены автором
Издательский коллектив выражает глубокую признательность
Аполонии Кальнюте и Елене Клочковской за деятельное участие
и помощь в подготовке этой книги

Вадим Месяц – руководитель проекта

Андрей Бауман – составление, послесловие

Таисия Орал, Георгий Ефремов, Виталий Асовский,

Елена Клочковская, Egeja d'Aiva – перевод

Андрис Тапиньш – фотография на обложке

Сергей Морейно – дизайн серии

В книгу Юлюса Келераса, одного из наиболее тонких и глубоких современных литовских поэтов, вошли стихи, написанные с 1988 по 2016 год. Тексты, на первый взгляд представляющие, согласно формулировке поэта и критика Ромаса Даугирдаса, исполненными «лиризма, меланхолии и элегантности» и построенными по принципу «музыкальной импровизации», при дальнейшем чтении раскрывают хрупкий ритм ландшафта в сердцевине личной истории. Литургически обретаемое детство оказывается истоком того тактильного творения мира, где любовь – дыхание и речь вещей: раненых, сиротствующих, становящихся картой боли и омываемых светом.

© Юлюс Келерас: текст, 1988–2016

© Таисия Орал, Георгий Ефремов,
Виталий Асовский, Елена Клочковская,
Egeja d'Aiva: перевод, 2017

© Русский Гулливер: издание, 2017

ISBN 978-5-91627-203-1

ЮЛИОС КЕЛЕРАС —

поэт, переводчик, драматург, фотограф. Родился в 1961 году в Вильнюсе. Окончил филологический факультет Вильнюсского университета, в 1989–1992 годах учился в Иллинойском университете в Чикаго. В 1995–2002 годах жил в Нью-Йорке, работал главным редактором литовской газеты Darbininkas. Сотрудничал с различными издательствами, вел авторскую передачу на Литовском национальном радио, преподавал в Вильнюсском университете, в Иллинойском университете в Чикаго. В настоящее время работает переводчиком, живет в Вильнюсе. Стихи и пьесы переведены на многие языки. Поэтические сборники: «Зимние лодки» (1988), «Белый каледайтис» (1990), «Горсть меда» (1995), «XL стихотворений» (1998), «Снег, бездомный, павший» (2007), «Разбуди» (2008), «Это ты» (2010), «О любви вдвоем» (2012), «Позже, значительно позже» (2013), «Шиповник в дюнах» (2015). В 2013 году награжден премией мэра Вильнюса за фотоальбом «Тротуары Вильнюса» и стихотворения о Вильнюсе.

* * *

Меня на этом свете нету, я — не здесь,
вьюнок переползает тын к исходу лета,
и вот уже другие небеса над кладбищем
и облаков гряда. Меня здесь нет. Не будет

никогда. Предмет не в силах созидать миры,
плотва в затоне раненая бьется, постепенно
вода краснеет. Зачем болезнь ребенка кровь
сосет. А дальше только шепотом умею.

Сказал же, нет меня. В вечерних сумерках грачи
над крышей. Нашептанный ноктюрен
запутает в пути. У сердца твоего
серп месяца опять опасно пролетает.

Farewell

я не зажигаю в комнате свет, но вижу, как чайка
на реке повторяет твой почерк, как капля касается белого,
еще неисписанного листа, и как странно, что ноябрь
такой чуть живой, как ты после бессонной и нежной
ночи, которая не дала сковать море льдом

сквозь снег и тяжелую корку льда просачивается пейзаж,
ведь всё временно, что высоко и прямо, что таится
в почке, как вечная и не лгущая цветочная пыльца,
как вещи в комнате, не смевшие оглянуться, когда

уже нету других, словно скрытое, как под псевдонимом,
детство

* * *

эта осень намного длиннее любви,
нам знакомой по пасмурным
пологам ветра, молчаливым смущенным
словам, провожающим лето, утомленно
лежащее на бесцветном песке
опустевшего пляжа, позабытого всеми,
кроме сторожа — загорелого паренька
с сигаретой, растянувшегося у лодки,
принявшей ветер

* * *

Ребенок наблюдает за тенью своей
на старом чердаке, где хранятся старые,
покрытые пылью журналы, пустые склянки,
аккуратно оборванные календари
прошедших годов. Смотрит ребенок, ничего
не произносит, пока неожиданно не засыпает
на громоздкой бабушкиной кровати,
на которой зачата была его мама.

* * *

любая вещь способна тайной стать:
мы тихо спим на лопнувших матрасах
и радовать нас могут только те,
в которых хоть на миг проклюнется душа, —
их лица отделяются от стел,
опускаются
подо льдом плоти,
а источник жара их понемногу
оживляет

* * *

шрифт снежинок уборист, но я все равно
узнать тебя не могу,
потому что остынувший ветер сжимает
листья растений
и броню покрытое сердце не помнит
пыла, лишь блекнет

* * *

там, где губы твои прикасались, море осталось,
точнее — соль, осевшая на песок:
какой мотив банальный и бессмертный, но всё равно
мы не откажемся, пока мы существуем...
те ласточки печальные! и буквы яхт,
разбросанных по глади океана! о, чистый свет!
ленивые садовые улитки — как мы с тобой —
не знают ничего...

* * *

Д.

и столько света в имени твоём
монах уснет главу посыпав пеплом
а я слова всё те же повторяю
как много света в имени твоём

и так оно светло светло светло
как озера никем не читанный дневник
но я увидел, как утиный клюв
царапнул воду, как оно светло

так много света в имени светло
как свадебный убор как ландышевый цвет
как все слова, что снова повторяю, —
так в имени твоём и тепла и свет

ТВОЙ ГНОМИК

я твой гномик, вырезанный из других,
лучших сказок, найденных в старом шкафу
(за кухней первая комната, вторая
тумбочка, где хранились книги)

я твое вишневое варенье, засахарившееся,
несъедобное даже для отощавшего
бездомного ворона, некогда сидевшего
в Укмергэ на православном кресте

я твой кипятильник, кухонька воспоминаний,
замутненное изображение на сетчатке, голос,
не вернувшийся после войны, ключ, в те времена
отпиравший кочующий куршский песок

я кровь на твоей салфетке, оборванная
киноплёнка, не наступившая весна,
раскладные кровати, найденные на этаже,
десятилетия назад сложенные в углу

можешь удивляться —
я твой парус, твой Ангел-хранитель,
наблюдающий движение твоих снов,
капля твоего пота во время проигранных гонок

я...

/ кем ты хочешь, чтобы я был?

если б спросила —
туманом над почерневшей баржей в Куршском заливе

промытым цветным стеклышком,
черепком, опознанным деревом
или саваном сумерек
для твоего, лишь твоего, Снегурочка, тела

речь на твой день рождения

эту речь я сложу из твоих ресниц,
из твоих вещей, которые остаются, и тех, которые
уже отделились, из первого снега в разжатой
перчатке, из чуда небутафорской крови

эту речь я стану произносить, пока не забуду язык,
пока не забуду, как берут кровь из пальца,
как смотрят со стороны на чужие похороны,
не думая о вечной непотопляемой жизни

эту речь каждый раз я буду придумывать заново, каждое утро
к ней, неотправленной, буду лепить всё новые,
всё разные почтовые марки — с нагой, чужеродной,
улыбчивой ренессансной ангелицей, или другие:
с парой фигуристов или, скажем, королевой Канады

правда, ты не услышишь той речи: я никогда
ее не закончу; когда начинаю ее, замечаю внезапно
с ужасом, что она медленно тает — словно где-то,
по ту сторону осязаемого, лодка всплывает в туман

я еще не скоро тебе признаюсь: нет никакой
речи, никакой другой грамматики,
только та, которую, ненадолго зажмурившись, вдруг
узнаем — наизусть декламируя твой день рождения

моя сильфида

ты — единственное число, неповторимые буквы,
вещи, уложенные вопреки алфавиту, замкнутый
круг, в который впустили голубя, воркующего,
клюющего твои крылья, сильфида, клюющего рот

клюющего всё что нельзя, клюющего
снова и снова корни круга, линии круга,
дыхание круга, внутренности и крылья,
меня, который в том круге, твои груди, сильфида

ныряющая в единственное, в сладкую одиночную
ссылку, где нет черноты кипарисов, нет
синевы, скрещенных, когда-то живых еще,
губ, когда-то шептавших любовь, сильфида

поняла, кто давно ожидает на перекрестке?
развязка, порог, теплые нежные руки,
голубь живой, который уже влетел
в твой рот, сильфида

6:05, проснувшись

еженошно ныряю в ночь вслед за тысячей мыслей,
каждая из которых есть ты, засыпающая, спящая без
сновидений, наблюдавшая сны, где я появляюсь не так
одетый, не те выдающий слова, с посторонним лицом

не тот, кто способен нырять без снаряжения в цветущую
пропасть, где отражается, кем-то оставленный, очень давно,
непогашенный свет из чужих коридоров, оттуда, где нас уже нет,
где стонем не мы, а жертвы другой войны, из иной действительности

да, всё так — о снеге, всё так же — и о войне, которая не
прекращается,
затягивается, скрывается, непоправимо трепещет в глазах у детей,
непоправимо отзывается эхом, когда закрыты все посторонние двери,
за которыми остаются лишь тысячи лет больных и страдающих

куда мне пойти, чтобы свет оставался, чтобы дверь оставалась
только одна, где я наконец был бы тем, кого ты представляла
однажды в бессонную ночь, для того чтобы я нырял и нырял,
и нырял

дрозд

именно так произнести «люблю»
значит биться головой о стену, о камень,
раствориться в легкой победе, увидеть
себя из близкого небытия

именно так молвить «люблю»
значит, что яблоко еще не поделено
и нам еще дано касаться друг друга
кончиками пальцев

именно так (когда касаюсь твоих волос)
я учусь плыть по снегу,
через неизвестную, совершенно голую Антарктиду,
где я никогда не был и где никогда не родился

именно так произнести «люблю»
значит подойти к тебе, привставшей на цыпочки,
зажмурившей глаза,
и вымолвить имя твое

именно так произнести «люблю»
значит себя ощутить фрагментом
на холсте Босха
где тело еще не угадывается

именно так произнести «люблю»
значит расцвести на самой вершине яблони
куда только что слетел увидевший пожарище
дрозд

ГДЕ ЕСТЬ ТЫ

полный дом чужих вещей —
кому их отдать? кому
доверить прошлые луны
на вмятых подушках?

кому вернуть пульсацию
в кончиках пальцев весной,
когда на обочинах котики пробивались
и были чуть мягче твоих волос?

где оставить лыжные палки,
наконец достигшие цели?
еще раз спрашиваю — и понимаю,
что живу там, где есть ты

на другую ветку

в странствии из комнаты А в комнату Б
ни один светофор не работает, все знаки,
говорящие о приближении снега,
напоминают цветущие вишни, это они и есть

в странствии из города А в город Б — тебе
не обязательно ворочаться, бормоча:
«как страшно: приснилось, что я паровоз,
который двенадцать лет не может остановиться»

в странствии по сухому листу, некогда ставшему
закладкой в памяти, под вздохи настольной лампы,
открытой в ожидании двери, ощущаешь себя лучом,
живущим здесь тысячи лет, еще до Христа

в странствии по твоей руке — вдруг забываешь
все карты, все расписания путешествий,
пытаясь перевести поезд на другую,
быть может — более счастливую, ветку

единственная гейша

будь у меня единственная моя гейша,
я мог бы тогда ей читать до рассвета свои
вирши, а после задремывать у нее на груди,
уже без фамилии, и без имени тоже

я мог бы чаевничать из ее стакана, предаваться
формам ее миниатюрных ступней, косточкам
кистей ее рук, ее кимоношным узорам,
поцелуйным трехстишиям, сыплющимся из ее уст

и кто я теперь без этой неведомой гейши,
которой и дела нет, что в зеркале у меня
всё еще лучезарит ее спина, фудзиямы
ее ягодиц, безупречно павшие руки

и кто ты теперь без меня, единственная моя
гейша, в невидимых нетях, не предающая
рук моих, обвивших шею твою, изгладивших
губы твои, измявших твои полусонные груди

которые так и не признаются, что любят,
а только мечтательно воркуют на мягком чужом
диалекте, какого не знаю, но знают губы мои —
и язык, вот он снова твоему соску что-то шепчет

уехать

уехать туда, где тебя нет,
где тебя никогда еще не было,
где буквы тебя не помнят, ничто —
даже конверт не отосланного письма

уехать туда, оставив свои документы,
оставив тени вещей, что мешают
жить, оставив тебе одни воскресения:
они всё равно не ведали, что творят

уехать подальше, где в темноте пансионеров
няни укачивают детей и язык чужих
колыбельных постоянно пронзает сухие
сплошные стены

уехать туда, где бы дни недели
не умещались в словарь, только в твою
маленькую шкатулку, куда
мы сложили твое и мое сердце

уехать туда, где полночи не умещаются
в календарях, где луна в подростковых
заметках движется как человек из синих чернил
без одежды, бегущий неясно куда, неизвестно зачем

тебе, которая

1

если бы ты закрыла глаза и пошла, вытянув руки вперед,
против течения, — камни на дне Вильняле, даже зимой,
были бы круглыми, как теплые шарики из резины

2

бог его знает, о чем тосковала бы, если б застывшие
лепестки сияли в снежной волне, заметающей фонари
по колено, под эхо собачьего лая из загробного мира

Венера II

скажи, какой ключ подошел бы твоей нестареющей
скважине, твоим ресницам, чутким кончикам твоих
пальцев, которые не загубели ни в дожде, ни в аду, ни в наглухо
запертых комнатах, где никогда от любви не бросались с моста

скажи, каков твой камень, какова твоя вера,
когда груди, касаясь реки, отражаясь в течении
будто зори, бесплодно мечутся, а четыре головы ветра
без усилия позволяют забыть удовольствия юного сада

скажи, кто будет следующим, кого ты соблазнишь, кого сведешь
с пути, с ума, нагадаешь дождь или засуху, обвенчаешь
со всё прибывающим, необратимым морем, с жадой
в крови, с шеей, зацелованной опухшими, искусанными губами

скажи, разбиваясь о поцелуй, о риф, ибо он будет последним,
повторяющимся: красный, пробитый, текущий, бормочущий
всё те же слова бесконечности, всё тех же увечных улиток —
через тернии, ледники, загрязненные воды — ползущих

О ТВОЕЙ ДУШЕ

иногда мне кажется, что твоя душа осталась в тумане,
что она бродит в поисках выхода, мокнет в траве
до колена, иногда нарочно ушибаясь о камни

иногда отчаянно бросается бежать, услышав
колокольчик коровы, а иногда замолкает — и никому,
даже облаку, из нее не вытянуть слова

слышу, как ее преследует собственное имя,
звук своих же шагов, перебирающий молодую
пенистую траву, доводящий до обморока

иногда мне кажется, что она не движется, а стоит
как вкопанная, а туман — ее парус, рассекающий
полные страстей темные лесные массивы

твоя душа так чиста, что полупрозрачна в сумерках:
случается, синее лезвие утра ее не находит,
да так и пропадает за горизонтом

— кто рисовал эти природные виды? — спрашивает она.
— кто владеет реками, увлажняющими наш берег?
— есть ли что-то, кроме меня, чего ты не видишь?

иногда она начинает преследовать молодую косулю,
а иногда притворяется юной, только что давшей обет
// монахиней, задолго до встречи с Господом

случается, твоя душа начинает суетиться и лгать,
неудачно хитрить или предлагать за бесценок
проходим яблоки твоих грудок с веснушками,

нередко она стоит на углу с местными,
высунув язык и показывая неприличные жесты
даже облакам

я не знаю, но, наверное, бывают мгновения,
когда, задумавшись, не замечаю, как твоя душа
становится телом

где-то мечтающий сад

сад бы точно зажмурился, лишь бы тебя
увидеть, лишь бы увидеть, как ты
куришь, прижавшись к стеклу,
почти не дыша зависаешь в воздухе,
как будто вернулась из путешествия
счастливая летучая мышь

ничто не терзает, сердце бьется спокойно
как влажная бабочка, прилипшая
к упавшему яблоку, как яблоко,
прилипшее тотчас к траве и что-то ей
шепчущее о любви без голоса,
и вполне вероятно, что без ответа

ПАМЯТИ МОТЫЛЬКА

уже неотторжимый, выдохнутый мотылек поцелуя
навсегда остается белым, словно
ослепительно чистая простынь, повешенная
для просушки на экранах воспоминаний

давайте признаем, он был бродом между губами,
белой холстиной, охраняющей мгновения уст,
свидетелем помолвок дождя и парка,
шелком подарочного шнура на каждом твоём конверте

он рассказывал больше, чем водовороты Вильняле,
он был с теми, кто не обещает неволю,
он был словом, единственным возможным словом,
нигде не отчеканенной тайной монетой

и вот его нет, как нет миновавшего лета,
но как разобрать, кто январской ночью трепещет —
точно высохшая на дворе простынь или пятно,
то, что осталось между сжатыми пальцами

расскажи мне

на языке тела расскажи мне о ребенке
родившемся вчера в приюте

на языке рта расскажи мне о груди,
осветившей умирающим ночь

на языке пальцев расскажи мне о тех,
кто никогда не произносит ни слова

на языке коричневой родинки расскажи мне о маках,
посеянных в дюнах твоей спины

на языке ягодич своих расскажи мне
о литовских курганах, если успеешь — о Фудзияме

на языке пупка расскажи о влажности поцелуя
там дождавшегося самого краткого летнего утра

на языке пота своего расскажи мне
о высохшем саде, что не поддался девяти дровосекам

на языке груди расскази мне о письме
в твоём белоснежном почтовом ящике

на языке чрева расскази мне о паруснике,
не достигшем чужого берега

на языке колен расскази о любви
// неподвластной совершенству смерти

на языке поясницы расскажи о судьбе
воробья, на рассвете влетевшего к нам

на языке сосков расскажи о траве,
одолевшей в два взмаха косу

расскажи мне обо всем,
о чем сейчас слишком поздно

* * *

Мне нравилась та фотография:
стакан молока, рассеянные вишни, лифчик.
Природа так соединилась с вещью,
держашей тело; так неопытная танцовщица терпит каплю пота,
еще не знающую про предел падения,
так бабочка летит, хотя, скорее, лишь цвет ее,
срывающийся в вырез.

Так, кстати, грани купола,
сливаясь, мчатся в бездну,
к недостижимым холмам, и утомленный путник
зимует в камне нескольких неумолимых
столетий. Поэтому и говорю:
мне нравятся твои ресницы,
тоскующие по движению.

* * *

снег, бездомный, павший
слезными комьями, стекший
перламутром ресниц
и другой — снег водочных судорог
жгучий, пыточный, подноготный снег
снег дотлевающих пепелищ и птиц, леденеющих на лету

опустившийся, морщинами немощи подернутый снег
катакомбный снег радости наголо бритых сирот
ангелов, дремлющих в барочных приютах
коммунальных заплеванных окон, свежий снег
вековых треугольных проулков

как зашлепsti твои волосы, чтобы всё уберечь от распада

море, здесь

я бы хотел быть твоим морем, что означало бы
пропуск в долину обид и другие
незапланированные аттракционы, что означало бы
сон, видеть который не стоит
(если, конечно, это может зависеть от нас)

я видеть хотел бы, как ты поливаешь цветы на балконе,
в одной рубашке, словно на первом причастии,
и здесь никогда, ниоткуда уже не была бы видна
маленькая девочка с аккуратной прической,
в те времена побиравшаяся на пировавшей Немецкой

ТЫ ЕСТЬ

иногда ты полна зимы, и никто не может
поймать ни клубящиеся снежинки, ни где-то под снегом
спящих улиток, которым никогда не достичь
твоих ног, отдыхающих в запертой комнате

иногда ты полна летних бабочек:
они тоже снежинки, теплые, подвижные,
зависающие на ветру будто снежная паутина,
ты — тихий, приглушенный голос в их ледяных коридорах

иногда ты восстаешь со старыми вещами,
еще дремлющими в прихожей, вспоминаешь их,
и они против воли на мгновение оживают —
как ненадолго заведенный ребенком волчок

иногда пытаешься вспомнить мое имя, свое
лицо у моих губ, там, в другом времени,
в другом зеркале, где не бывало черного снега,
где бабочки могли счастливо жить из лета в лето

ты есть то, что не повторяется и не увядает,
но живет на свету, зреет в сумерках —
высоко, на верхушке, — как никем не замеченный плод,
и накануне зимы бесстрашно спускается в травы

девушки с вишнями губ

Девушки с вишнями губ танцуют Начало. Неосторожно огонь менуэта поджигает тела, и зрители невольно отступают на шаг, боясь превратиться в пепел. Формы сменяются моментально: сдерживая трепетание, они превращаются в символ весны, несущий мир, и история утрачивает свою большую печать.

Девушки с вишнями губ, хрупкие как ивы, теряют набедренные повязки, и зрители видят солнце, скользящее по их коленям. Божественные тела, благоухающие севером, не подходящие ни для одного анатомического атласа, ни для какой ниши, где обычно скупают гипсовые венеры, тоскующие по прозвищам и

табаку. Девушки с темнеющими подглазьями танцуют жизнь: бокалы, наполненные минувшим, старые натюрморты, запах исхоженных в детстве болот. Ангелов, постаревшие вишенники, сумерки. И вот они кланяются публике. Однако точная копия лунного света умудряется так ловко обмануть наше зрение, что мы не в силах уловить перемену.

Холод упраздняет все игры, запрещая музыку, телесное сияние, позволяя свет и красоту потреблять в минимальных количествах, сколько того требует закон. И история, распутница с выщипанными бровями, воображает, что победила природу: губы не пахнут вишней

Петербург летом 1824 года

церковные колокола вызванивают полдень,
хотя небогатые жители предместий
ловят рыбу в невских каналах и им всё еще
снятся раздувшиеся утопленники: собаки
и люди после наводнения прошлой зимой

Мицкевич видит кричащих лавочников,
на полупустых улицах торгующих сыром
и колбасой, слышит кареты и брочки, летящие
по сугробам, девушек на Екатерининском проспекте —
во флигелях, трещащих крашеными языками

он только что прибыл: в Вильнюсе, на Антóколе,
еще со скрипом вращаются выдавшие его флюгера,
а листья, упавшие, когда промчалась его карета,
еще лежат, не истоптанные, на дорожках парка,
как невысохшие слезы

Петербург: на одной улице обессиленный парусник,
переломанные мачты, пробитая палуба, бочки,
выпустившие красное, словно вареные раки,
которых тут давно уже нет, старое бургундское
вино

Петербург — наказанный за несправедливо
сосланных, заточенных, униженных...
Господи, сколько сил отняло чувство
неправедной вины! Сколько раз, читая
Библию, он чувствовал, как легкие наливаются
лунным светом

художник у переулка Стикло

Не разглядеть следы, ведущие в лист, который оставил художник, забывший закончить арку еще одного переулка. Однако движение, которое помним, не может вводить в заблуждение: это город, пахнувший еловыми ветками, пылью и молоком. Я никого здесь не знаю, но кто-то стучит по

пианино, и кирпичи на долю секунды задерживают дыхание, не рассыпаясь. Воскресное лето открыто для всех, и Улисс может без страха вернуться, но следует знать: за столько столетий кое-что изменилось — его здесь ничто не ждет. Ни проемы проулков, по которым wpłyвает синее утро,

ни ступени, что скрипят под солнцем, ни потерянные часы. Ничто. Разве лишь тот рисунок, который никем и никогда не будет закончен, ведь художник ушел и уже не вернется. Рисунок испорчен. Но линии целы, всё можно узнать: еловые ветки ограничивают кругозор, арки вздыхают,

так что, Улисс, можешь без страха вернуться. В худшем случае я тебе тайну открою: художник спит в одном из пивных заведений, профукав все то, чем обладал. К рассвету он должен вернуться: повороты и лестницы, икота и стены. Но этот город, который тебе был доверен, — всё тот же.

Так что, вернувшись, найдешь ветшающие часовни, слепые круги, которые аист чертил над рекой, застанешь в сквере плачущую Веронику, увидишь — солнце жметя к озорнику в квартире Старого города и следы, которых мы раньше не видели, заполнят рисунок. Тебе действительно пора вернуться, пока художник спит.

мизансцены смерти

Последний мим исхода, со сбритыми бровями и приглушенной улыбкой, играет с черепом лошади перед иноязычной публикой, не понимающей его шелковых жестов, отчаянных усилий изобразить иронию последней катастрофы.

Охранники, стерегущие обреченных на смерть, бесстыдно зевают, и дебютантка смерть уже репетирует список погибших, хотя соvrащенные десятилетия пробуют вымолить отпущение и покаяние для седеющих рук.

Что ты помнишь? Дождь, оставляющий отгиск парка на треснувшем мраморе? Рыдание тех, что утратили утро? Готический шрифт кирпичей старого Вильнюса? Неправильный взгляд, ищущий выход в пустом, необитаемом зале? Кто ты — в зеркалах разбитых миров?

Обеспокоенный зритель увидит, как на сцене пробьется родник и потемневшее солнце тени раздаст девичьим грудкам, подавленным межвоенными страхами. Вспомни: так бились когда-то озорные коростели, на которых охотилась полночь, и чужие почтовые марки во власти ветра.

Пятна прожекторов мечут куски приговоров, и пролетает двенадцать братьев-месяцев. Вспомни:
однострунный день,
нечаянно тронутый. Голые всадницы греческих ваз подгоняют коней и пропадают за горизонтом, где всё, пока грим не потек, так слепо и временно.

об ангелах

В ангельском каталоге я искал аукштайтского ангела. Он
должен был
быть согбенным, как состарившийся монах, забывчивым
при взлете,
с ладно сложенными ладонями, в коричневой рясе, не
мешающей летать,
с огромным кашушоном и пуговицами, отражающими
солнце. Больше
я мало что о них знаю. Кто из нас смыслит в ангелах?

Ангелы пьют только воду, их губы никогда не пахнут
селедкой. Они зависят только от собственных крыльев:
всякий раз упавшее перо
определяет им новую родину. Они не играют
в «классы», не поют, не плачут
и, наверное, не сожалеют.

От аукштайтского ангела, которого я искал, должно бы
немного попахивать
хмелем, но ни в коем разе не пивом. Аукштайтский ангел,
которого
я искал, должен сжимать в кармане маленького воробышку —
мое детство, порхавшее в Укмергэ, на улице Адомаса-
Мескупаса, прямо напротив православного кладбища.

открытка, Ян Булгак

мой одинокий проулок,
лезущий ввысь к колокольне,
к набатам, давно позабывшим
всех звонарей, к чужому уединенью

взбегающий к той долине, что я увидел
как-то проездом: казалось,
что это могло быть счастливейшим
местом на свете

где всё распахнуто, отперто, всё возможно,
где площадка для игр может стать уютным спальным мешком,
а вертикаль сосны — совпасть с пунктиром отвесно
взлетающей к солнцу крачки

казалось, что там, только там,
это место, которое мы бросили второпях,
ничего не известно о тайном моем проулке,
столько раз брошенном

и все же снова читаю старую надпись:
Nr. 13 Wilno — Załtek Literacki
i dom w którym mieszkał A. Mickiewicz —
и на миг долина сливается с переулком

Вайде

Лишь говорю тебе, что ты единственная:
единственная осень, единственный мороз, единственный
подснежник, растаявший под пальцами, единственная,
так неожиданно воскресшая ладонь весны,
процветшая беспомощными котиками в стоге снега

Лишь говорю: не будь я здесь, пришлось бы быть скалой,
очнувшейся на острове, пустынным домом, приютившим
путника, сквозной аллеей, задремавшей на плече
у озера, и да задержит этот миг тебя как личный
горизонт, слепые сны ведущий прямо к дому

Лишь говорю, что серафимы снега вернутся завтра,
и ветер лица обметет, но никогда никто не остановит
вагон, летящий в будущее; и там уж, вдалеке,
нас не узнают, да и сами для себя чужими будем
на пожелтевших снимках северного утра

Лишь говорю тебе: так плачут маяки, так груди лодок
мечутся во сне, ища воды, и глухо колокольчики звучат
в том замке Синей Бороды, где приютились
призраки из детства, и серенькие котики в воде
у самой двери путнику расскажут, что ты единственная

археология воспоминаний

Фрукты в глухом натюрморте ожидают влажности губ,
комнаты и стены, вино и голод, жажда
и дождь сливаются в одно: повседневное утро
окисляется, становясь экспонатом в раскрытом
сознании, и голос на клетчатых страницах
дневника переживает ливень, не выносящий дат

Но песок не возвращает следов: ранние чайки
мечутся над порогами моря, обгоняя зарю
точно стертые буквы, что возвращаются снова на синем
исписанные страницы. Знаю: эти шаги снова начнутся
у серебряной пристани Остробрамских ворот,
у грязного дворца Сапеги, у свернувшегося

дна Антакальниса, где еще задержалась зима и еще
ожидает расплата, где всё так же изношено
платье весны и чуть-чуть изменился оттенок вина,
разлитого по бокалам, но одинокие огни не покинули
этих проулков, затопивших сознание: готика бровей, перекрестный
снег, синее платье, вино и завтрак всё там же,

в том погребке. И тогда бы я попытался найти хоть один
твой след, оставленный летом у Кафедры, лет так
с десяток назад, один-единственный взгляд, который запомнить
могли мостовые и витрины магазинов. И тогда неудержимая
грамматика дневника (влажность губ) совпала бы с явью
(натюрморт), и та, другая осень хоть ненадолго вернулась бы на
страницы сознания.

Виолетте

Более ничего. Лишь соловей мороза,
высвистывающий воскресение, лишь дикая
незабудка в ожидании утра. Более
ничего, лишь свет, наблюдающий за лицом
сквозь сумрачно затянутые занавески.

Более ничего. Лишь оттиски карты
в песке, сеть железных дорог к востоку.
Более ничего. И не стоит высматривать
предел нищеты: отцветшее лето останется
зимовать на рекламных щитах дорог.

Более ничего. Но зачем надеяться?
Процессия безнадежности взбирается
по ступеням зари: ближе, всё ближе. Более ничего.
Правда ли? В песочном замке на побережье
дрожит новорожденный, еще не смытый день.

Более ничего. У лодок опущены руки,
и пчелы расплакались в осажденных морозом
ульях. Более ничего. Лишь миролюбивый
Майлз Дэвис позволяет чуть-чуть отдышаться
и перевернуть замерзающую страницу.

возвращение домой

И ангел пройдет здесь — с дождем, бегущим по волосам.
И кто-то станет молиться за нас, и вновь будет осень,
и по ягодным склонам неслышно придут коровы.
Торжествуя, наполнятся опустевшие ведра, и вверх
по прядям доярок поднимутся божки коровки. Лишь зарю
на восток не отпустит озерное лоно. И другие песни спуют

наскоро сложенные города. Ласточки гнезда совьют
в колоколах церквей. Заслони темноту, и другие ангелы
скрутят тот окровавленный парус, и через семеро суток
узнаю я, жив ли. Ты скажи: мне полагается быть тебе
солью, опорой, никогда не предававшей рукой
друга. И куропатки закروют небо. И с утра расцветет

скорбная ветвь жасмина, и за это нам будет судьба оставаться
другими, незнакомыми, даже чужыми. Вспоминай, как божки
коровки пойдут, как спустятся в травы по утренним волосам
доярок. Как полнолуние будет сменять полнолуние над
именами
городов. И вместе с тем над знаками исчезающих тел, над
некогда полными ожидания снами, в темноте скудных недель

над зажженными фонарями мы услышим, как границы городов
соприкасаются скрипучими суставами. И в деревянной тьме
полночь будет играть с часами, и, наверное, сменится
направление сонных стрелок, и подброшенная монетка
внезапно

поранит вздремнувшую душу, только мы не увидим и
// на звук подплывающих лодок, чуть помедливших в сумерках,

возвратимся домой, и старинные ложа отпустят наши грехи, —
поднимаясь, ведро из колодца не поранит нам рук, и, наверное,
впустят наши следы вейник и дюны, и тогда я не знаю, но точно
пройдет здесь тот ангел радости и успокоения,
с дождем в волосах, и для пасторальных пастбищ
коровы неспешно исполняют тоскливую ноту, и весло не
минует воды.

наблюдая невидимое. аквариум

рыбы ищут дорогу домой,
отпирают все невозможные двери,
которых больше никому, даже
детям из садика, никогда не увидеть

которые хлопают где-то за нами,
но едва обернешься — они
исчезают, бледнеют, и никто не шевельнется
на той, давно упавшей за секцию, детской фотографии

ни ты, ни мама, ни воспитательница,
ни дети, ослепленные солнцем, —
они по-прежнему неподвижны —
будто все уже умерли

в квартире детства, глядя с балкона на реку

а потом ты научишься чтению, вычитанию,
позже — пришиванию пуговиц и глажке,
лучше всего удаются тебе занавески,
занавески из посеревшего тюля,
ведь они, как и ты, любили смотреть
в темноту, где время от времени
проплывал пароход

чужое кладбище

Брату

попробуй слух напрячь — и сможешь слушать,
как шепчутся кочующие души
об отдаленном и замерзшем детстве,
что некогда прошло, а ты всё есть —
неспешно падающий в мраморную чашу
снег, складный как урок чистописанья

лишь туи, кипарисы, — колоннады
сошли на нет, лишь вдоль земли идущая
гроза задерживает ненадолго взгляд
на ангеле (его крыло из гипса,
отбитое, лежит в траве), ему
не улететь: могила детства держит

и тут Ночная строчка удлиняется:
мы различаем этот странный образ,
хмурое виденье, разгоряченные вином
потерь, бросаемся бежать в другую сторону,
где дождь не будет так жесток
к прохожим, которые еще бредут,
как непослушные буквы в старом диктанте
для пятого класса, по белой разлинованной
дороге — и падают

о радости

пересекаю комнату,
не думая об этом,
ни о чем, вероятно, не думая

пересекаю комнату,
надеясь достичь балкона,
достичь реки, другого берега

достичь Жирмуная, другой весны
в школьном окне, другого слова,
произнесенного под твое молчание

пересекаю комнату, думая
о радости, о самой обычной
радости жить

пункт проката

детство возьму напрокат,
почти как мое —
с яслями-садиком, играми
у реки, возле моста на Антóколе

сестреноч, скачущих
через веревочку: в блеклых,
латаных, штопаных юбках,
прячущих сбитые ноги

белый холст на январской Нярис, близкие
голоса: высокое черное «до», на обоях темные пятна,
билет на автобус, всё путешествие в семьдесят
километров, ладонь теткина стиснута до синевы

в Укмергé полный бидон молока, чашка
железнодорожного кофе, потом буду прыгать в Святую реку,
покуда не паводок и свободны места,
где можно передвигаться вброд

возьму напрокат старенькие садовые тропки,
где, на часы не глядя, можно плутать
без конца, всматриваясь в ту единственную былинку,
переросшую не только меня, но и небо

где было бы можно, ноги скрестив на лугу, курить
стебелек и думать о том велосипеде, которого, ясное дело,
нет и не будет, но который тогда был так молод
и почти не испорчен

перед грозой. Заречье

в прудах отраженные ивы
пойманы невидимой сетью, схвачены
незримыми пальцами, подчиняются силе,
которая останавливает и вынуждает быть начеку

вынуждает быть начеку черную бабочку, что садится
к тебе на плечо и немедленно, словно что-то
забыв, спускается по руке, прозрачной
как кожица первого битого яблока

вынуждает воздух бледнеть, будто он виноват,
будто застигнут за неким проступком,
как в детстве, когда отчаянно врешь или теряешь
ключи от дома (и не сознаешься)

вынуждает лист скорбно лететь по ветру,
прощаясь с тобой, со мной,
со всеми, кто остается на ветке,
кто удержался, а он взял и упал

Адомаса-Мескупаса, 30, Укмергэ, зима 1970-го

моя бабушка в темноте произносит молитвы,
ее сестра неслышно бормочет их
в соседней комнате, дедушка в белой рубашке,
зажмурившись, пальцами читает в кровати молебник

капля воды падает в раковину,
три литра молока дремлют на подоконнике,
огонь в печи спокойно сложил руки,
за окном занесенная снегом груша

тишина такая, будто не приходил
этим утром нищий — за водой и хлебом,
словно не было света, лишь долгое,
тщательное приготовление к вечеру

тут я приседаю на мячик,
которым играл весь день,
а мой рев беспощадно
обрывает их молитвы

придется все начинать сначала

ВНЕЗАПНО ВСПОМНИЛ

к старой оцинкованной раковине
в некоем саду, некой
давно минувшей осенью
все еще льнет фрагмент листа,

чертеж листа, перелистнутая карта листа,
вернее — паутина листа,
ставшего уже почти прозрачным,
т. е. собою, т. е. — другими

у стен детства

вишня, запонки-вишни, всё ими застегнуто
и запятнано, а остальное не собрано,
не прибрано, не уложено в призрачные
короба, где никогда не дремать спящим красавицам

несколько дедовских молотков, если их найду,
выходная бабкина юбка, розные доски,
из которых собаке ладили конуру — прибежище,
смелую и сохранную жизнь, полупрозревшие яблоны

что еще взять этим утром в сутробную тающую
страну, где распахнута вся долина вишневых косточек
и кто-то без жалости зашивает шипованными ростками
сад, где покоится твое тихое детство

скворечник — тонуший в сумерках полупризрак —
полный крови, косматой луны, староверских крестов,
блещущих в темноте, будущее без просвета,
оно иногда затопляет всё, зрение помрачает

и затемняет слух, приглушает шаги, против которых
ты беззащитен, с которыми ты обязан долго
и злобно жить — будто пугало, позабытое
на зиму в поле, без дома и потому без рассудка

кстати, Альбертина уже нашлась, как и Мария, Джульетта
и прочие, что в бесчисленных тысячелетиях
сжимали чью-нибудь мнимую руку и ощупью шли вперед,
неотступно ведомые облаками вдоль детских стен

ПОЗЖЕ, НАМНОГО ПОЗЖЕ

ребенок боится себя, прячется
за кустом, опять появляется,
откусывает от яблока, только потом,
позже, становится ясно, что это ты

ты сам находишься там, за кустом,
за фотографией, за фасадом,
с букетом каких-то цветов
первого сентября

только потом, позже, вырежешь из фанеры
закат, не очень красивый, острый,
о который легко порезать
пальцы, руки, даже ноги

но это позже, намного позже

ЭТО ТЫ

маленькая девочка, почти дитя,
в комнатах, исхоженных большими
людьми, где так много чужих запахов
и шагов, беспокойства, суеты, крови

маленькая девочка, утенок, латаный бабкин
платок повязавший, в глубокие, высокие
дедовы башмаки влезший, пробуя станцевать
маленького лебедя из телебалета

маленькая девочка, вот ты бьешься в чужих
неконопатых воспоминаниях, извивами улиц
в почернелых деревянных домах, в фонарях,
хрупче потерявшейся ветреной моли

маленькая девочка боится жуков, таит
лицо от ветра, от трепещущей занавески,
даже от пары аквариумных рыбок, ведь они
лишь отражаются на сетчатке и не уплывают

маленькая девочка, почти, почти женщина,
хотя порой слышишь, как на подоконник
болезненно насадет дождь и нехнычущее
дитя, окно открыв, плачет бесслезно

белую голубку

она, почти что женщина,
кочующая с авоськой
от окна к окну,
от улицы к улице

она, вездесущая
словно рой пылинок,
оседающий на стеклах,
полу, подоконниках

помедли, пока еще
не опустилась ночь,
пока еще вижу, как
твои пальцы рассекают воздух —

такую видит Господь в заброшенной,
заколоченной, разрушенной церковке
уснувшую среди утвари
белую голубку

куриная слепота

прячась в глухой темноте, мы друг друга
касаемся завязанными глазами, путаемся
в бельевых веревках, в невинных девчачьих
прыгалках, бантиках, падаем и встаем

падаем и встаем, пока больший кто-то,
незримый, нас не хватает за руки
и не уводит туда, где уже некому
прятаться, а снявши повязку, мы видим

что нет ни белья, ни прыгалок,
ни шоколадных плиток, а только пыльные
старые жесты, только тонкая сохлая
линия крови на твоей зажившей руке

только шербатая тень треснувшей куклы
на расколоте тротуаре,
где давным-давно одуванчики
крылья свои сложили

Синдзо Фукухара, 1931. фотография

женщина, стирающая на бетонной набережной,
похожа на темный кольшимый ветром камыш,
на карандаш, по воде наскоро выводящий белое,
только что выстиранное и уже ополаскиваемое слово

она вернется, выстирает ребенку рот и
ступни, переоденет в чистые одежды для сна,
после чего усталыми иероглифами тряпки
исчеркает небольшую комнату

развесит на улице, развесит сушиться белье
на улице, чтобы в нем запутался ветер,
чтобы далекие невидимые города
блеснули там, в снежных простынях

после налет похлебку, будет сидеть, скрестив
ноги, глядя в одну-единственную точку:
спящий на фоне окна ребенок
красивее, чем восходящее солнце

растущие у реки деревья увидят ее во сне —
сгорбленную, голую, без усталости
стирающую, стирающую, стирающую
большие свои повседневные сны

на автобусной станции

женщины в платочках
столпились в углу, как мыши
ищут лазейку, однако
еще целых полчаса

придется терпеть насилие громковещателя,
боль в подкашивающихся коленях,
балаганный шум — потерявшего равновесие
жителя города, с пустым, замурованным взглядом

может, чуть-чуть прогуляются, как посторонние
иероглифы, под светом чужих фонарей,
теребящим макушки, пока не застынут
в уголке, головой прислонившись к стене

осталось дожидаться, когда смогут присесть,
сложить руки на юбке
и смотреть, смотреть на оконный экран,
пока не сойдут, наконец-то сойдут

ВЫЕЗД ОДНОГО КЛАССА

девочки, маленькие и побольше,
идут по лугу, держась за руки,
рассматривают травинки, пробуют, проверяют
на прочность, кажется даже, что нежно бормочут

с лицами как после болезни или большой
радости, изредка они подскакивают,
будто ужаленные крапивой, случайной
пчелой или поцелуем: солнечным зайчиком

они сворачивают направо, налево, поют,
потными ладошками наблюдают за солнцем,
будто бы понимая, что совсем уже скоро
их сердца будут биться под чьей-то ладонью

почти невесомые, растекающиеся
по лесной траве, лесным тропинкам,
замирают, внезапно увидев голую
парочку прямо тут, на вырубленной площадке

учительница пытается отвлечь их
вороньими гнездами, клубящимся мхом,
темными рыхлыми муравейниками,
непрерывно кишасими: ничего не помогает

они смотрят не отрываясь, пока две
медленные улитки, два тела на поляне,
не заснут, равнодушные к взглядам,
и опять как ни в чем не бывало продолжится лето

орел и решка

если вытянуть ладони и, закрыв глаза,
долго держать их, может случиться,
что они станут зеркальными

или ночь их наполнит, как оставленную
снаружи тарелку из простого белого
стекла, куда собрали черную смородину

если вытянуть ладони и, закрыв глаза,
долго держать их, утром можно найти там
одну старую копейку с потертым лицом одного Ильича

или, если тебе повезет,
маленькую голую Венеру, с забавными
грудками размером с пятак

в худшем случае, если закроешь глаза,
вытянешь ладони и ничего не найдешь,
это еще не самое худшее

они будут пусты
как пересохшие
слезы

вырванная страница. сказка

в стране снегов сестры ищут розу, —
застывающие замедляются руки, мрамором
наливаются пальцы: падающие тела,
скованные пеленками наледи,
еще пытаются выползти к свету,
но его уже больше не будет,
потому что эта страница взяла и закончилась —
словно бы их (и, возможно, твое) младенчество

будущая

шапочка, носочки, колясочка, кроватка;
в комнате вроде бы всё приготовлено,
а она всё вяжет и вяжет
с мыслью о будущей, подвижной
с самого летнего утра

она берет книги Л. Кэрролла, А. Милна,
читает, тихо посмеиваясь,
и чувствует, как плод
дрыгается от радости,
понимая, что ей смешно

к вечеру он начинает плакать, да,
он плачет, — сообщает растерянно
будущая, испугавшись грозы, и неожиданно,
лежа на боку в пустой комнате, производит на свет
маленькую девочку с Утренней звездой во лбу

КОСТОЧКА ВИШНИ

я под вишней лежал,
да, под вишней,
а ты?

я?
я была в тот раз
вишней костью

ВИШНЯ ПОД ОКНОМ

1

загляни в себя:
в темных водах всё еще бьются
тени умерших вишен

каллиграфически вырезаны белые
буквы: все до одной поутру
собирает ветер

небесные воды, вишня, способны
хлынуть в любое мгновение —
поэтому не позволяй никому плакать

будь ты сироткой в белой косынке,
привел бы тебя домой, помыл,
напоил молоком или водой

только хотелось спросить:
розоваты ли твои десны
даже тогда, когда их не вижу

возьмись я считать твои лепестки,
жить бы пришлось еще
минимум тысячу лет

когда плещешься под дождем —
появляется королевская дочь
// в белой повязке на бедрах

если тебя обниму,
покажешь ли мне
самую тайную рану

не понимаю, как можно
завязать столько цветов
за одну-единственную ночь

когда опадает веноч твоих листьев,
становишься мне еще ближе,
чем прошлой зимой

цветок, удушаемый в книге,
давно не помнит цветка,
упавшего к тебе на колени

если б я мог омыть тебе руки, ноги,
наверное, в комнате стало б светло,
как в то утро, когда я родился

2

рассматриваю прищурившись
формы листьев в твоём венке,
и слетает сорока — скоро рассвет

мне бы хотелось, чтоб ты увидела
море или, хотя бы, им омываемые
камни, на которые больно падать

что ты скажешь, расцветшая,
если я покажу шерстяную перчатку,
// полную талого снега

пчелы тоже не знают зимы,
не волнуйся, их крылышки —
толщиной с твои листья

даже когда не цветешь, ты ближе,
чем остальные: так и мой город
когда-то слился со мной

когда отдыхаю на полу,
всё думаю, как же
ты засыпаешь стоя

если бы ты заболела,
хотел бы и я
чувствовать жар на ветру

голубка, порхающая в твоих
волосах:
нет ничего красивее

где-то пенится море,
а здесь — твои тихие листья
на пресных, залитых тротуарах

стая куропаток зимой,
знаю, будет дивиться твоей снежной
башне

о моя тайная
вишня
с непроглядными косточками

моя вишня, такая же
чуждая мне,
как и себе самой

нельзя мою вишню
бить по лицу крапивой,
даже если она устала цвести

как облака в реке —
моя вишня
без начала и без конца

разве бы ты тосковала,
если бы в каждом цветке
завязалось по дереву

что для тебя важнее:
цветок или плод, когда втайне
тремя пальцами рвет его на цыпочках девочка

кто знает, что б ты подумала,
под ногами увидев
мышь, несущую завязь

сквозь твое тоненькое белье
видно: божья коровка ползет
к последнему закату

если бы ты запела,
неужели все песни
были бы только о лете

тень твою охраняет кошка,
а ты
// даже не улыбнешься

ты права:
бабочка, снег, лепесток —
все уносится ветром

кто знает, станешь ли плакать,
если я упаду
с твоим цветком в руке

пожелтели капустницы —
четыре листика моей вишни
с приходом сентября

мне снилось, что ты стала девочкой,
на ноге у которой кто-то
нарисовал синюю бабочку

Мак

На лугу маки
вместе предаются дождю,
едва перешептываясь.

Нагая женщина среди маков —
что может быть
краснее?

Семена мака
летят вверх
встретиться с созвездиями.

Розовое соцветие
среди шипов.
Ребенок держит ежика.

Старый мак
обнажают —
бьется на ветру зеленоватое сердце.

Если бы на свете не было
маков,
женщины не умели бы краснеть.

Дыхание перехватывает
от этого румянца —
почти бесстыдного.

Сборщицы мака
залитые солнцем
// похожи на резчиков деревянных богов.

Если бы лишь маки
жили на свете —
воцарился бы мир.

Столько лиц,
и все как одно — только
маки!

Последняя страсть —
промелькнувший в памяти
силуэт мака.

Пойдет снег —
тогчас тебя вспомню,
обещаю.

Об одуванчиках маки
вспоминают
только добром.

Маки не пасут
ветер —
они летают не здесь.

Качается мак
без голоса, а так близко —
на расстоянии поцелуя.

В мире маков
нужно жить
красно.

Да, Целан,
твой мак
// неподвластен забвению.

Кто там разлил
столько красного?
Вижу с холма.

На твоей ночной рубашке, мак,
после дождя
радуга.

Откуда знаю, что это мак?
А откуда знает это василек,
выросший рядом?

Лиса, наострившая уши,
была бы очень кстати
для краснеющего цветка.

У мака
глаз
моря.

Раз — и сбрасывает лепестки:
что еще так выразит
былую любовь?

О первом снеге
маки
знают не много.

Ветра и след простыл!
А маки
пульсируют.

Постаревший мак
больше не смотрит
// на бабочек.

Мак кого угодно
может свести
с ума.

Разочарованным макам
остается только грести
на север.

Мак в тумане —
это та, которая зовет
лето.

Мак среди овец —
неопалимая кушина,
ведущая на небеса.

Утопаю в красном.
Как придется возвращаться
зимой?

Когда-то макам
повиновалось
солнце.

В утробе маков
в сумерках
покоятся боги.

Чуть раскрывшийся мак
подобен
жерлу вулкана.

В паху у мака
паук
// созерцает мир.

На летучих мышей мак
навевает
ужас.

За маком
может таиться
лишь другой мак.

Если б у меня не было дома,
я бы навещал двух сестер —
дикую сливу и мак.

Мак, которого
ты не видишь,
может быть сестрою твоей.

Ты бы согласилась,
если б я называл тебя
маком?

Мак, именно
твой,
скоро появится.

Ты ли,
возлюбленная, —
нежность лепестков?

Ведь небо
с землей
связует именно мак.

из «Виленских трехстиший»

Букашка, по дну
ямы идущая, —
в которой весна стороне?

В чаше сада
три кошки обсуждают
грядущую зиму.

Сколько стоил букетик маков
на укмергском базаре?
При случае на погосте спрошу.

Зарождение или
скончание света различает
снижающийся паук?

Пора в дорогу —
черви на тротуаре —
октябрьская слякоть.

В Ниде тростинки
сухие в шапочках белых.
Чья-нибудь свадьба?

Замковая улица, коляска инвалида пуста —
дождь в октябре.
Намокшая, неподъемная воробьиная роба.

Водокачки давно уже нет,
а я до сих пор
// смотрю и смотрю на нее.

Выросший в клетке голубь.
Выращенный в подъезде фикус.
Проросшая в кухне душа. Моя.

Больной, облитый неоном голубь
не улетает с площади —
ждет, когда ему ветер свистнет.

Осенние лужи.
Летние лужи.
Вильняле — она такая же.

Черви на тротуаре.
Пора в дорогу
на ту сторону осени.

Дождь курлычет по водостокам.
Улица Св. Духа.
Я почти уже дома.

Маки совсем отцвели.
Я, наверное, виноват —
вовремя не воспротивился грому.

Кто там стучится?
Карниз жестяной. Голубиные лапки
пунктиром обозначают осень.

Объявление на столбе —
потерялся щенок.
Ветер листает лохмотья.

Птенец на Зеленом мосту.
Издали не разберу:
в печали? навеселе? уставший?..

сказка про одну спичку

и что? вот и стало ясно, что это
снежная королева в шутку сдвинула
сердце твое —
и осталась всего лишь
серная головешка от сломленной, ночью
погибшей спички

элегия на приближающийся день рождения

форма сна напоминает растаявшую свечу, говорю тебе, —
но как дрожат пальцы жизни в скорбной сентябрьской
процессии. Вечный глоток смерти, как непрерывно бьющий
родник, ополаскивает губы, повторяющие молитву. Не стоит
рыдать, если величественно выступает надежда, затмившая бедность

предместий и тихие толпы города в воскресном сентябрьском
парке. Не стоит рыдать, если печаль отсыпает полную
горсть меда, темного как венозная кровь. Не стоит
рыдать, если грязные пьяницы в мутных под вечер
глазах приносят домой усталость и горечь, и сила вина

еще долго в тех комнатах бьется со зреющим сном.
Высохший дождь этой ночью оставил на окнах свои отпечатки, —
ты легко победишь его, но одолеешь ли фосфорическую
грань, отделившую нас от детства: открытых колодцев, в которые
некогда по ступенькам спускалось игривое солнце, распустеха трава,

проникающая на надгробные камни, ползущая между букв
по памятникам, которые не прощают. Ведь любовь — это рана,
страстная
лента воздушного змея, пробившего купол, гордое синее
одиночество,
дрожащий голос, в котором опасно зрели слова. Есть ли в тебе еще
недоступные горы и ручейки? Мне бы хотелось пройти

по таинственным предрассветным равнинам, сорвать незнакомую
вечную ягоду и пальцам оставить сумерки в необитаемом улье.
Сон напоминает смерть, но еще больше — любовь, зреющую
к утру. Встань пораньше — увидишь, как полощет светлеющую
// природу солнечная струя, как просыпаются голуби

и смежают крылья на день, как преклоняют колена калужницы,
молятся ветру, стерегущему на берегу одинокий, едва поднятый
парус в открытом озере. Проснись — и увидишь, как слабый
песчаный
эскиз обращается к Богу, как на окраинах начинается буря и
сорванные
календарные листья взмывают и падают, взмывают и падают,

подобно всему, что мы можем почувствовать здесь и сейчас, а это
никогда
не изменится. Встань пораньше — и ты увидишь, как любовь
побеждает
смерть, как солнце взрывает серые захоронения полночи,
как дар речи вдруг возвращается к глухонемому, ночевавшему в парке,
ты увидишь, как по звериным следам отступает бледнеющий месяц.

Говорю тебе: форма сна — растаявшая свеча, но она
оживает внезапно и становится светом, сквозным и бессильным.

ТЕМНЫЕ

в темное время года ловить мотыльков
опасно, ибо они налетают роями
и закрывают глаза невинному:
защищаешься, что напрасно мечтал,

напрасно прыгнул на ринг, где извивались
девять змей, и вопили закрытые в клетках
обезьяны, и соприкасались чужие тела
на трибунах, в партере, повсюду, где

только могли прикоснуться к другим — чужим,
привязанным к стульям, закованным,
перешлетенным, замешкавшимся, умирающим
телам

напрасно мечтал о тебе, Эвридика,
напрасно знал, что ты все равно обернешься,
все равно ведь я столб соляной —
убывающий здесь, где все времена теперь уже темные

на разных страницах

в энциклопедии боли мы одиноки:
наши следы не застанут на заданной
букве, ни на одной из имеющих номер
страниц нас не ждут для благословения

на подоконнике, где не созрело ни одно,
даже крошечное, семя, у дверей, которые
так никогда и не открылись, у заржавевшей детской
коляски, где никогда не лежал выкормленный тобою младенец;

кроме того, я не уверен, что мы знакомы:
по сомнению в голосе, по тому, как застегиваешь последнюю
пуговицу пальто,
как целуешь прощаясь, как вытаскиваешь свою руку —
и в нее, словно пьяная парашютистка, садится снежинка

не уверен, что мы в той же самой энциклопедии,
на той же странице, в том же томе, в той же самой
комнате, на той же сцене, не говоря о креслах,
которые некогда соприкасались влажными подлокотниками

не уверен, что это ты отпираешь двери, касаешься лба,
что это ты по ночам отвязываешь мою лодку, желая попасть
в мой сон, где трепещущий парус заслоняет твое лицо,
и опять, как всегда: мы оказываемся на разных страницах

радиоточка

голое, заблудшее дерево в больничном дворе,
где проветривают халаты, а подавленный куст
не открывает тайного выхода в прошлое: заваленный
кирпичом, он блестит для того, кто давно уже умер

среди развешенного белья играют дети, работает радиоточка;
в каком коридоре, подвале, пролете мы встретимся?
мелькнет ли кровь
на губе и, вполне вероятно, дерево станет дровами
или мимо пройдут санитары, раскачивая увесистые носилки

в темной одежде войдет сюда ночь, не знающая сомнений,
в темной одежде теней, нестрашной и незаметной
даже тебе, дорогая,
даже тебе — дерево, прижатое к неизлечимой стене

потому это дерево, одинокое заблудшее дерево,
однажды ночью уйдет из больницы,
из города,
из мира

и вовсе не важно, какой на нем будет халат —
крахмальный, стираный, только что выглаженный любящими
руками или из мира умерших, где радиоточка,
скорей всего, сообщит:

я не хочу уходить, но не хочу и возвращаться,
туда, где тебя нет, или туда, где ты есть,
но где другие деревья никогда не надевают мертвых,
не убегающих больше с веревки, халатов

КОНЕЦ ДНЯ

а она медленно снимет чулки, расстегнет
давно уже немодную юбку и наконец,
свершив диалог обнажения, эту немую беседу
с морем, втиснет свое светоносное тело
в соленую, беспорядочно звучащую воду

редкие чайки бесстрастно глянут на взгорья
песчаного цвета, миниатюрные дюны с бурыми,
а некогда осененными позолотой, сосцами, на черный
развернутый треугольный флажок, оберегающий
от разных напастей в открытых незнаемых водах

потом обрушится ливень, и ей придется бежать —
спешно маскировать флажок, прикрывать невеликие
дюны, чьи отражения в птичьих зрачках
еще будут какое-то время трешлемы ветром и дождем
вместе с телом, жаждущим их упрятать

из «Языческого цикла»

р ы б а

рыба в прыжке из моря, прочь из реки, из пруда в ограде,
где лилии пересохли, в прыжке из тока, в котором
затонули уже миллионы отбликов, масок, судеб,
рыба, я имени твоего не знаю, никогда не узнаю,
рыба неизвестная и своя, меня ты давно поймала
в голубой лазоревой загородке меня, тебя и всех тех,
которые, рты водой переполнив, не пожелали слова

«рыба», она способна вертеть круги, петь чешуйками,
хвостом подсекать наживку, терпеть без дыхания,
жить в углублении, где воды-то всего на полпальца,
рыба, которая помнит всё: она была шукой, уклеякой, —
ведьма, с ногами коровы, — зато и выпрыгивает всё выше,
каждое утро прыгает ввысь, чтоб в срок остановить вселенную

с о ж ж е н н ы е к о с т и

сожженные кости обычно ссыпаются в урну,
раздаются ливню и грому, тому,
кто окажется крепче, кто лучше
скачет, чьи могильники больше

сожженные кости обожают разделять
то, что осталось в наследство зверям и тем,
кто еще может радоваться, чьи кони
// более ходкие, а в женщинах больше лета

это чем-то похоже на вдох едва новорожденного, на распах не лона,
но чрева, медленное содрогание глыбы, уже отъятой от ледника,
способной рвануться
в тень, где спит Великая сука, где разводами волн кто-то
изобразил наши лица

а промедлив, вернемся не туда, где нас еще ждут, где двери открыты,
стесан порог, где камень как неживое яйцо, откуда кто-то стучится:
вполне может быть, что это кабан, и так он останется, съезженным,
навечно с пробитым боком

в о р о т а

ворота, которые растворены шире, чем глаз хватает,
ворота, соединяющие провалы, преграда ливню и ветру,
ворота, неподчиненье которым означает перемену судьбы,
ворота, что не уснут, не позволят проснуться, в тесноту вдевая огонь

ворота, заслон облакам, кровь унимающие ворота,
ворота, которые, приоткрывшись, отнимут раннее солнце, и снег,
и месяц,
ворота, которым не указ любые времена года, горизонты в страхе
от них, ворота — вот они, свежераскрытые тридевять пылких лилий

ворота незримые, острее сиятельного чистозаточенного топора,
которые так и берут и рубят и могут невзначай подвести:
козьему стаду открыть цветущую, белую до синевы лужайку,
где клеверные головки мотаются выше подпасков

ворота, которые сотворены из белого, красного, из ничего
могут кого угодно превратить в тающий, закипающий снег,
могут расшевелить ураганы и мамонта вдохновить на теневую жизнь,
// могут темноты в клетку загнать, принудив любить зоревую Аврору

ворота, не дающие спуска, скрипят «а пускай живет» и впускают,
ворота, что стремительней молнии, бьющей наотмашь по саду,
и вернее скалы, что остается, когда ничего на свете не остается, —
они отворяются в глубинах водных и запираются в недрах земных

Ян Булгак

на овальных фотоснимках
просыпаются огни опочивших
тени умерших в оцепеневших букетах
продолжают нескончаемую перебранку роз

скрип качелей напоминает
регулярность парков, развеянное одиночество,
свечи, сбежавшиеся посудачить
на проявленных лужайках Россы
как бы то ни было, давно бездыханный прохожий,
трижды прочти «Славься, Мария»
за негатив этого полдня
такому тобою любимому Вильно

крупницы о Боге

нищий, пустой горизонт; стебель, вколочен в тихое зуденье прибора;
там эшафот, на далеком экране где-то; зрители, полные ими залы,
которым охота потрогать этого смертного, богоподобного на миг
или два, бесплотного ангела, не исчисляющего шагов

ангела, что сломился, ибо не обзавелся пикой, не заимел языка,
не разжился домом, который плоть его уберет бы от снега, от петли,
от креста, от истребленного, невидимого порога, где лежат голыми
и щебечут мотивы без смысла, любят, следят за домом напротив,
лежат

а напротив иной горизонт, и стебель не видит, лишь слышит,
как прибивается к берегу море, как ребенок босой, простоволосый,
берет кого-то за руку и зовет отцом, зовет своим, настоящим,
продленным, тем, что будет когда-то и нынче, наверное, был

Боже, ты сущий, ты грядый, тебя их зудящие ружья не видят,
не слышат, как просто откусываешь ты яблоко, к человеку подходишь
на привокзальном рынке, просишь окурок, а сам и спичками не богат
для возжигания моей вечно продрогшей души-недомерка

ЭКЗЕКУЦИЯ

они нас вычеркнули, как ошибку в слове, —
тот, чье лицо полно смерти,
та, что сжимает овальные губы, —
вишневой кровью откашляла нас, —
тот, в униформе цвета пожухлой травы,
и тот, что стоял дальше всех,
на стуле у перекладки,
у свисавшей веревки, и плакал

В саду

рву груши и укладываю
их на столе

тем временем стол бледнеет
и застилается снегом

кто-то одевается потеплее
а кто-то снимает последнее

в лугах пахнет медом
а скворец подремывает на сливе

можно засмеяться или проснуться —
нынче не будет больших перемен

один-другой пленный, одна-другая
монета звякнет, падая в пропасть

повязка пирата, которому больше нет
места ни в одной нашей книге

или еще что-нибудь маловажное
не способное ничего изменить, пока

я по ошибке прикрываю глаза
и жалко тебя, что состарилась

лишь облака

кукла, шагающая по мраморной лестнице,
кем-то вылеплена из глины, покрыта изящной глазурью,
неизвестно когда, неизвестно чьими руками,
неизвестна даже точная дата ее рождения,

не говоря о месте, не говоря о родителях,
психологическом климате в доме, не говоря о другом,
не говоря, кто заплетал ей косы, сажал
на желтый, дешевый как солнце железный горшок

не говоря о соседях, которые сквозь занавеску следили
за ней, курившей под лестницей, впускавшей язык,
когда целовалась с подростками, которых уже пускали
на вечерний сеанс — только с шестнадцати

жалко, пуст этот лист, на котором записаны
ее имя и скорби, когда пропадало желание жить,
редкие, долгожданные просветления, когда в выходные
получала грильяжный торт — и после, в сумраке, ее обнимали

жаль, у этой истории нет начала: велосипед укатился,
отпечатки остались, но никто не помнит колес, никто
не помнит, кто управлял им, когда и при каких
условиях — светила луна или солнце, было облачно или ясно

пуст, ничуть не заплакан лист, неизвестна даже могила,
в которой никто не зарыт, тела, увы, еще не осталось:
только неясно — она спускается или взбирается вверх,
где всё равно в итоге останутся лишь проходящие облака

памяти Юрги

группа крови неведома
есть наименование, формуляр
безразличное для взгляда окно
птица тенью на больничной стене
ожидаемый стон, шаткая коридорная поступь
ладонь, опора и продолжение влажной щеки
одинаковых удлинённых слез
это дорога домой

но разве ты хочешь вернуться

недоказуемо, неповторимо, недостижимо

но не дозволено; снег пронзает их измельченных
и потрескавшихся мотыльков; в безопасной тени
лодка ожидает Харона, который давно уничтожен

и за шкафом в бабкином доме в последний раз
умирает последний свидетель, рожденный в снегу
февраля; так что опять всё недоказуемо, неповторимо
и недостижимо

НЕ ОПОЗНАЕТ

растерзаны их фемидины одеянья,
ночью измучены лица,
они
поочередно взвешивают одну,
бесплотную слезную каплю —
прозрачно сквозную слезу,
не помнящую родства,
слезу, которая о тебе не знает, —
ледяную, вчера истаявшую слезу,
слезу, полную смерти,
выпутавшую тебя слезу:

если долго глядеть в темноту,
слеза тебя не опознает

единственная баржа

баржа, которую ты волок и которая подавляла тебя,
и велела делать привал, и не давала дышать, зато рассыпала
янтари под ногами, которая вынуждала идти вперед
и тащить, и тащить, и тащить

баржа, которая была твоим домом, приютом, водой и
абсентом, была единственной как утопленник
на утреннем берегу, была словно губы,
открытые, чтобы выронить воду или, наоборот, не вобрать

баржа, которая так и осталась кровно твоей,
кровью твоей незримой, вяло текущей через плотины,
которых потом не прорвешь, вы вместе по-детски неслись
на санках с безумной горы и кричали-вопили

баржа, которую перевозмогла усталость, она
умела утихнуть и уснуть как ребенок, баржа,
которая не могла противоречить своим страстям:
ветер тут даже случайно не дул никогда от моря, ты трепещи

баржа, которая не могла сожалеть, она была легче
закатной больничной надежды, которая выла, стенала
волчицей, потерявшей младенца, моя вся в лишаях,
снегами затертая, смердящая, излюбленная волчица

баржа, которой не подберу названия, места,
имени, которая никогда не обмолвится,
как легко волочить ее, баржа ни разу
никому не снившихся скелетов, баржа, единственная моя

с лицом убитого клоуна

Слеза похожа на луну.
Осень похожа на паяца.
Ты похожа на сумерки
И я, старый торшер хрущевской эпохи.

Чайка похожа на коктейбель, апрель,
на две запятые, насильно соединенные.
Море на цветной фотографии —
чуждое, выжатое, не мое.

Всё это похоже на то, чего не было,
или было, но не со мной и не здесь,
где чайки зрели как слезы
и текли по правой щеке залива.

Не надо тебе ничего говорить. Я рад,
что и мне не надо.
Ни светить, ни руками ловить луну —
с мертвым лицом убитого клоуна.

свадьба манекенов

ему дают поцеловать невесту, он не хочет,
ей все подсказывают «да», она молчит,
он наклоняется, кривясь в улыбке, а она
меж тем уныло наблюдает прорезь горизонта

она стройна, и таз не слишком узок,
двойняшки не беда, скорее утешенье
в старости, когда он вдруг утратит право
кривиться и носить фасонные пальто

такие у нее чертовски лакомые губы
и шея выгнута подобно лебединой —
пришлось ее однажды видеть мельком
сквозь дверь грузовика, спешащего к пруду

он равен богу, но — излишне скован,
и руки так держать который год
нелепое занятие, ну да ладно —
как ни крути, а поздно молвить «нет» и убегать

ГНОМИК

нет никого страшнее голого гнома
на припеке жующего яблоко, он иногда
даже становится зрим, а иногда он сродни
бесцветной оскаленной суке

он иногда обретает формы, которых
мы не воспринимаем, зато они начинают
нами владеть, они знают,
как включать свет и воду

вновь говорю: если куда идешь этим утром,
не забудь самое необходимое,
ибо гномик завистлив
и, увы, он такой не один

НИКОГДА НЕ ЖИЛ

никогда не рассказывай о своем детстве,
не читай гороскопов, не держи на коленях
раскрытую книгу, не оставляй пустой стакан
на столе, за которым вчера пили вино

никогда не раскачивай подвесные мосты,
не торопись посещать кратковременные
могилы, никогда не поджигай бумажный
кораблик, которому время уплыть

никогда не слушайся сердца,
которое остается невидимым, не срывай,
даже в мыслях, едва созревшие
вишни, молчащие красным

никогда не поселяйся в мечтах,
которые разольются как ветер
по избитому ливнями луку,
и увидишь — ты никогда не жил

сам себе

теперь тебе надо, попросту
надо найти порог,
о который можно запнуться

и нажать на кнопку звонка
там, где нет нескончаемости
и бессчетных ступеней

где чисел нет и событий,
ничего, что напомнит рубаху
путника, брошенную на стул

что тебя напомнит, стоящего в полутьме
на автовокзале, нырнувшего за двумя
рыбками в аквариум пустоты

что напомнит слепые тучи, бредущие
за дождем, плаценту незримого сна
на скомканной простыне

затертое замечание в дневнике,
которое все равно не свелось, а осталось
явным и вечно саднящим шрамом

лисица в норе

он один, почти один в пустой комнате,
если б не эти тысячи книг, мирно
сомкнувшие спины и готовые в любой момент
протянуть ему страницу помощи

он один, один такой в этом большом помещении,
на этом белом листе, на этом неисхоженном пляже,
где чайки не оставляют следов ни в воздухе, ни на песке,
потому что их тут же опишет монах или поэт

он один в этом открытом пространстве, один такой —
и только потрепанная фигурка Будды
на письменном столе еще способна скрепить невидимое,
как лисица в норе притаившееся его одиночество

СНЕЖИНКА, ВЫПАВШАЯ ЗИМОЙ

снежинка, выпавшая зимой,
не знает снежинки, выпавшей
летом: у них разные
волосы и разные голоса

они никогда не встречаются,
потому никогда не растаются,
они могут петь ту же самую
песню, но никогда не вместе

снежинка, выпавшая летом,
счастливее: у нее нет
близнецов, и она не видит
твоих замерзающих рук

у тебя такой голос, снежинка:
рань меня, рань
треугольными метками чаек,
рисующими карту боли

стиснутая горсточка лета

книги стихов должны быть
маленькими и тонкими,
чтобы в них уместилась лишь одна
живая бабочка

одна чужая слеза, один
прыжок трехколесного детства,
отрываясь от горки, один
не отведенный взгляд

от твоего соскользнувшего
платя, странное чье-нибудь
утро, фильм, который мы
не смотрели вместе

силуэт фикуса тех ушедших дней,
того, вероятно мнимого, времени,
цитадели теней, океана
эха и отблесков, и, конечно,

стиснутой горсточки лета

ДИАЛОГ. ЗИМА

- покормлю синичку...
- не сыпь на подоконник...
- она смотрит внутрь...
- привыкнет, начнет ведь стучать, разбудит...
- пусть будет, ты будь...

- и не даст никогда уснуть...

Теми же слезами

Боже мой, боящийся асфальта, а еще
плевков, комков жевательной резинки,
лживости бескрайности, вещательной литургии,
сулящей ночку в обетованном Царстве

Боже мой, не знавший средней школы, без
понятия о криках в коридорах, Боже мой,
лишенный отраженности в зеркалах салонов,
Боже мой, единственный мой Боже

Боже мой, живущий в штопаных носках,
в катакомбах, выкроенных мамой, в детском
плаче, в горечи младенческого рева
и в окурке, выдохнутом нишей жизнью

Боже мой, меня сто раз проигравший, шепча
в темноте подвальной, лестничной, на чердаках,
в чуланах их одиночеств, делясь почтовым ящиком
и рубахой, и подсолнухом, и любимой

нет — я там бывал один, еще Ангел-хранитель
за руку меня держал, тогда он тоже
был, но всё равно всегда один,
только мы и плакали всё теми же слезами

не до берега

я тебя сотворю из тугого
перинного пуха Леды,
из резкого гусяного маха —
вместе с Нильсом в туманный воздух

я тебя сотворю из ливня,
секущего рельсы на Тартар,
из капли слезной, без жалости
разъедающей твой платок

я тебя сотворю, как творят
соловьев хлопотливые летние
ночи, которые кем-то когда-то
были не в шутку возлюблены

я тебя сотворю неспешно, неловкой
рукой, как трогают виолончель, хранящую
запах вишни, цветшей когда-нибудь
где-нибудь за неодолимой неутолимой рекой

я тебя сотворю в черных доках
памяти, откуда еженощно выталкивают
одну малую лодочку-недоростка
затем лишь, чтоб она никогда не достигла берега

еще о лодках

лодки в заводи, лодки забытые,
списанные, стершиеся из памяти,
прикованные, запрещенные, непроклеенные,
полные окурков и чешуи

лодки, на которых переправлял тебя
на другой берег, где цвели
запущенные холмы, где плыли обнаженные
облака — твои опухающие колени

лодки, отворившие все соблазны,
сходили с ума, пытаясь
помочь нам, лодки, плававшие
бесцельно, лодки первого поцелуя

лодки, которым не нужны были весла,
которым всё было дано и дозволено:
как снегу — упасть, как стриптизерше —
сбросить последнее, освобождаясь

лодки, в которых теперь смеются, которые сами
уже смеются, несмелые, растерянные, пугливые,
которые еще неумелы, но вот ведь плывут,
уже плывут, а озеро их не трогает

на рассвете

расступаются воды, и голый месяц
соскальзывает под лодку, она начинает быстрее
гresti, пока спящая в неводе рыба
еще не проснулась и дремлет спеленутый мир

потом вдалеке покажется лошадь,
моющая жеребенка, холмы, издалека
обложенные туманом, будут похожи на груди
невесты, спускающейся по долине к озеру

на влажном, сонливом еще берегу
коровы будут оглядываться, лениво и тщетно
вывернув шеи, — доярки проспят:
в спокойном объятии, с чуть приоткрытыми ртами

стая медленных облаков отворит
горизонт, и только тогда лодка стукнется
в берег, где ветер уже успокоился,
и она попытается снова разжечь в доме огонь

ТОЛЬКО НЕ ТОТ

и тот ветер в качелях,
и он показался ненастоящим,
не пережившим всех испытаний,
пропал из любимой продолговатой коробочки

мне доложили о его слабостях,
о том, что он был пленен,
не успел отступить вместе со всеми, никто
не внес его в записную книжку

никто не перекрестил, не обнял,
не демобилизовал, не включил в родовое
древо, не обвенчал на железных перилах
у моей, только моей Нярис

да, у него были слабости, не отрицаю:
любил лежать в шиповнике, дразнить его иглы,
любил из дюн наблюдать, как купаются голые
женщины, по пятницам любил и напитки покрепче

как узнаю его, если еще появится?
может, прозвонят его ночью с одного из перронов
вокзала или заметят в кукольной коляске,
ржавеющей в подвалах цокольного этажа

может, вынут из зеркала, где некогда были двери,
/ или поднимут из моря, из накрахмаленных облаков,

угадают в старом кроссворде, в давно уже убранных
комнатах, осторожно достанут из детской кроватки

а вдруг кто-то нарочно уступит его, перекупленный
на блошином рынке, с волосами, затянутыми
паутиной, удивительно похожий, почти тот самый —
только не тот, не мой

примус

стекляшки, битый кирпич, всякая макулатура —
в подполе: дрова давно без употребления,
кривой стакан с помутневшей водой,
коробочка леденцов, непонятные крупы

но вот же в окошке — в полнолунности яблонь
движется девочка, вернее, стройная тень
сгребает заснеженную листву почти обеззубленными
эсхатологичными, несподручными грабельками

только заступит внутрь — и она не девочка вовсе:
сгорбленный призрак нищенки,
с глазами утопленницы, с негнушимися руками,
с рукавами, полными палых землистых листьев

говорит, будто здесь жила и даже любила,
опознает паучи сети на потолке,
зовет их по именам, но как-то всё по-змеиному,
тихим голосом влюбленной безумицы

говорит, что она гостья из прежних времен,
показывает отметины на щеках от былых поцелуев,
глазницы, что раньше цвели голубизной и счастьем,
прямоугольные следы чемоданов на пыльном полу

просит позволить снег сделать дождем, пустошью соляной,
а после снова — единственной слезой, которая летом в саду
не утонет в миске — когда моешься, волосы разбросав,

// вся окутана песней или темными снами

просит снег раскопать или дать ей взглянуть
в окно, или хотя бы курнуть под дверью,
затянуться одной, сырой незапамятно сигаретой
и отпить из моей, когда-то треснувшей чашки

это пока середина воды, почему-то ей объясняю
тихим песьим охрипшим голосом, боясь, что ее узнает
старая ложка в шкафу, горбатая обувная полка
или, избави господи, примус, давно ослепший в сенях

на освещенном снегу

слова приходят из ниоткуда: они отдаляются,
приближаются, уплотняются, бьются одно
о другое, выступают за границы полей,
падают, ускользают: забытые, утопленные
в складках бархатного, несуществующего наряда

они уже не стерегут друг друга, но проникают
одно в другое, голубиными клювами трогают
не свою воду, охраняют ее бетонные берега
и никому не принадлежащий месяц частного порта,
не связанный ни с какими временными валютами

они берегут друг друга, как двое в лесу заблудившихся
сказочных братьев, как градусник ртуть:
голыми, безоружными руками, ревниво,
как корсет обнимает невесту за талию,
боязливо, как расчерченный лист — первую дату любви

слова, вскормленные младенцы, кормящие нас,
питаемые, не сокрытые маской, наивные,
хрупкие и непреодолимые как грудной сосок,
узнаваемый в уходящей во тьму черепице,
меченной голубями, в снегу, освещенном настольной лампой

ВАСИЛЕК

стихотворение — это обрывок огня, маленькое
несчастье, которого нельзя избежать,
иногда рука Бога, коснувшаяся листа
бумаги, а иногда твой мизинец,
указующий место для поцелуя

признаю, стихотворение может не научиться
плавать, но при этом бесстыдно пахнуть мятой,
может так и оставить неоперившимся, полным
тоски подростком, вечно опаздывающим
на обязательные уроки диктатора

сумма сторон стихотворения никогда
ничему не равна, никогда оно не успевает
вернуться с другими — со всеми его
не увидишь, хотя позже станет понятно:
его слезы и незажженные горели как спирт

стихотворение никогда не приходит вовремя,
несколько тысяч часов приходится его ждать,
как испорченный лифт в еще неизвестную
бездну, на берег, не омываемый волнами,
где ни с того ни с сего разгорается василек

КОНЕЦ ЛЕТА

божья коровка смотрит в огонь,
пристально, не мигая
она отражает его багровый,
ветреный, ясный взгляд

уже ей пора шагнуть
на плаху, а всё она смотрит
в пламя — как будто надеясь
различить апокриф напоследок

словно жаждет на миг
стать малой женой огня,
которая по выходным, покуда все спят,
плывет на спине голая по дождю

как будто женщина хочет
прощально полетать в темноте
на качелях, забыв сестру
и грозящую той гильотину

пока не открылось море

есть время, пока не открылось море,
пока кто-то не отворил мою дверь,
не прося прощения

пока пласт пыли на книгах
не стал толще, чем кучевое облако,
и я ничего не вспомнил

есть время,
пока две капли не побежали в окне,
и ни одна не стала первой

ПРИМЕЧАНИЯ

<стр. 21> Литовское слово *kačiukai* имеет два значения: «котятка» («котики») и «почки вербы».

<стр. 35> Немецкая улица (*Vokiešis*) — одна из центральных улиц Вильнюса.

<стр. 38> *Antkoliai* — другое название вильнюсского района *Antakalnis*.

<стр. 44> Имеется в виду Вильнюсский кафедральный собор св. Станислава и св. Владислава, именуемый Кафедрой (*Katedra*).

<стр. 52> Имеется в виду река *Šventoji* («Святая»).

<стр. 53> *Zarė* — район старого Вильнюса.

<стр. 73> «Деревянные боги» — памятные столбы, которые в Литве ставят на обочинах дорог.

<стр. 91> *Rosa* (*Rasa*) — старинное вильнюсское кладбище, основанное в 1801 году.

<стр. 96> *Jurga Ivanauskaitė* (1961–2007) — литовская поэтесса, прозаик, эссеист, драматург, художник. В возрасте 45 лет умерла от рака.

Андрей Бауман

ОБРЕТЕНИЕ ДЕТСТВА

Вспоминая об одном утописте, который видел в человеке «животное, создавшее бессмертный проект обретения собственного детства», Ролан Барт во «Фрагментах любовной речи» замечает: «Я поворачиваю время вспять: помещаю свое детство впереди и переживаю эту любовь как фрагментарное предвестие сего грядущего времени, все моменты которого тем не менее уже были в моем первом прошлом. Так, я вполне мог бы, ничего не говоря, написать книгу любви, в которой рассказывал бы только о своих детских воспоминаниях: о самых незначительных фактах, о больших радостях и печалях, беспомощности, переполнении и т. п.». Стихи Юлюса Келераса и есть то пространство речи, где совершается этот поворот времени и пишется эта книга любви. Детство становится здесь не просто опытом-временем, внутрь которого и энергией которого движется автор, но, по сути, литургией, где (вос)создается и разворачивается мир. С собственной апофатикой («о детстве своем не говори никогда»,

«...когда для любящих/ уже нету других, словно скрытое, как под псевдонимом, детство»), собственными Страстями («что еще взять этим утром в сугробную тающую/ страну, где распахнута вся долина вишневых косточек/ и кто-то без жалости зашивает шипованными ростками/ сад, где покоится твое тихое детство») и собственной эсхатологией («Аукштайтский ангел, которого/ я искал, должен сжимать в кармане маленького воробышку — мое детство, порхавшее в Укмерге, на улице Адомаса-/ Мескупаса, прямо напротив православного кладбища»). Детство же становится сердцевиной богословия, которое обращается к кеносису (самоумалению, по-церковнославянски — «истощению») Божества:

Боже мой, живущий в латаных носках,
в катакомбах, выкроенных мамой, в детском
плаче, в горечи младенческого рева
и в окурке, выдохнутом нищей жизнью

Но точно так же оно оказывается истоком благоговейной радости, тихого — пропитанного элегической утратой — торжества, совершающего «...один/ прыжок трехколесного детства» к той отправной, творящей точке, где вишня (девочка-вишня) становится мировым деревом и вместе с тем расцветшей возлюбленной, а «Девушки с вишнями губ танцуют Начало». Там божья коровка, может быть, на миг сделается «малой женой огня», шагнув навстречу Альбергине, Марии, Джульетте, «что в бесчелюстных тысячелетиях/ сжимали чью-нибудь мнимую руку и ощупью шли вперед,/ неотступно ведомые облаками вдоль детских стен». Движение ощупью — не метафора, а суть той тактильности, которая питает поэтику Ююса Келераса: здесь прикосновением губ рождается море, «и нам еще дано касаться друг друга/ кончиками пальцев», ориентируясь по отсветам, шорохам, шепоту и дыханию вещей — раненых, сиротствующих, омываемых любовью.

прячась в глухой темноте, мы друг друга
касаемся завязанными глазами, путаемся
в бельевых веревках, в невинных девчачьих
прыгалках, бантиках, падаем и встаем

Парадоксальность этого опыта, наверное, лучше всего выразил Жан-Франсуа Лиотар в письме «Комментарий к сопротивлению», ставшем частью книги «Постмодерн в изложении для детей»: «Точка зрения, точка слуха, точка касания, точка запаха, в которой на меня посягает все осяуемое, не может быть перенесена в обычное пространство-время. Эта особенность, эта уникальная точка резонанса зовется “существование”. <...> И все же этот опыт, или существование, несмотря на его непередаваемость, возможно разделить с другими. Твоя точка слуха, осязания и т. д. никогда не станет моей, но в том-то и состоит непреложная загадка мира существований, что единичности присутствуют здесь во множестве и непрерывно щепляют друг друга этими хрупкими чувствительными антеннами, этим муравьиным лопотанием», рождающим невозможную, сходящую на нет и, вероятно, единственную по-настоящему испытываемую общность.

Переводчики и редакторы

ТАИСИЯ ОРАЛ (Ковригина, Лаукконен) — филолог, поэт, прозаик, переводчик. Родилась в 1984 году в Вильнюсе. Окончила филологический факультет Вильнюсского университета, д-р гуманитарных наук. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Вильнюс», «[Транслит]» и др. Автор книги «Поэт без нации: стратегии русских писателей Литвы в советское и постсоветское время» (2013, на литовском языке) и книги стихов «Суббота» (2016). Живет в Абу-Даби.

ГЕОРГИЙ ЕФРЕМОВ — поэт, переводчик, публицист, литературный критик. Родился в 1952 году в Москве, учился в Вильнюсском педагогическом институте. В 1973–1975 годах был литературным секретарем Давида Самойлова. Один из создателей издательства «Весть» (1986–1995). В 1988-м включился в деятельность «Саюдиса», был издателем и редактором газеты «Согласие». Публиковался в журналах «Синтаксис», «Литературное обозрение», «Знамя», «Дружба народов» и др. Книги стихов: «На ветру» (1984), «Эти людные времена» (1988), «Камень, дерево, птица» (1992), «Рассветный хлеб» (1995), «Весенние игры» (2000), «Не надо справедливости» (2002), книга переводов «В начале — муравей» (2012); книга публицистики «Мы люди друг другу. Литва: будни свободы, 1988–1989» (1990).

ВИТАЛИЙ АСОВСКИЙ — поэт, драматург, переводчик. Родился в 1952 году в Калининграде, с 1959-го живет в Вильнюсе. Окончил филологический факультет

Вильнюсского университета. В 1987–2013 годах — редактор журнала «Вильнюс». Публикации в журналах «Континент», «Дружба народов» и др. Книги стихов: «Воздушная тропа» (1987), «Вильнюсский дивертисмент» (1991), «Другое пространство» (1998), «Небо и ветер» (2008), «Стихи о человеке» (2015).

ЕЛЕНА КЛОЧКОВСКАЯ — переводчик, художник. Родилась в городе Мантурово Костромской области. Окончила филологический факультет С.-Петербургского государственного университета и Вечерние рисовальные классы С.-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Переводы публиковались в журнале «Октябрь». Живет в С.-Петербурге.

EGEJA D'AIVA — фотохудожник, дизайнер. Родилась в 1967 году в Вильнюсе. Училась в Вильнюсской художественной академии. С 2012 года живет во Франции.

АНДРЕЙ БАУМАН — поэт, публицист, кинокритик. Родился в 1976 году в Ленинграде. В 1998 году окончил философский факультет С.-Петербургского государственного университета. Литературный редактор журнала «Проект Балтия» (С.-Петербург). Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Нева», «Дружба народов», «Урал», «Интерпоэзия», «Гвидеон» и др., на сайте «Полутона». Книга стихов «Тысячелетник» (издательство «Русский Гулливер», 2012; премия «Дебют»).

СОДЕРЖАНИЕ

I

Меня на этом свете нету... >В. Асовский<	7
Farewell >В. Асовский<	8
эта осень намного длиннее любви... >В. Асовский<	9
Ребенок наблюдает за тенью своей... >В. Асовский< ...	10
любая вещь способна тайной стать... >В. Асовский< ...	11
шрифт снежинок уборист... >В. Асовский<	12
там, где губы твои прикасались... >В. Асовский<	13
и столько света в имени твоём... >В. Асовский<	14

II

твой гномик >Т. Орал<	15
речь на твой день рождения >Т. Орал<	17
моя сильфида >Т. Орал<	18
6:05, проснувшись >Т. Орал<	19
дрозд >Egeja d'Aiva<	20
где есть ты >Т. Орал<	21

на другую ветку >Т. Орал<	22
единственная гейша >Г. Ефремов<	23
уехать >Т. Орал<	24

III

тебе, которая >Т. Орал<	25
Венера II >Т. Орал<	26
о твоей душе >Т. Орал<	27
где-то мечтающий сад >Т. Орал<	29
памяти мотылька >В. Асовский<	30
расскажи мне >В. Асовский<	31
Мне нравилась та фотография... >Т. Орал<	33
снег, бездомный, павший... >Г. Ефремов<	34
море, здесь >В. Асовский<	35
ты есть >Т. Орал<	36

IV

девушки с вишнями губ >В. Асовский<	37
Петербург летом 1824 года >В. Асовский<	38
художник у переулка Стиклю >Т. Орал<	39
мизансцены смерти >Т. Орал<	41
об ангелах >В. Асовский<	42
открытка, Ян Булгак >Г. Ефремов<	43
Вайде >Т. Орал<	44
археология воспоминаний >Т. Орал<	45
Виолетте >Т. Орал<	46
возвращение домой >Т. Орал<	47

V

наблюдая невидимое. аквариум >Т. Орал<	48
в квартире детства, глядя с балкона на реку >Т. Орал< ..	49
чужое кладбище >Т. Орал<	50

о радости >Т. Орал<.....	51
пункт проката >Г. Ефремов<	52
перед грозой. Заречье >Т. Орал<	53
Адомаса-Мескупаса, 30, Укмергэ, зима 1970-го >Т. Орал< .	54
внезапно вспомнил >Е. Клочковская<.....	55
у стен детства >Г. Ефремов<	56
позже, намного позже >Т. Орал<	57

VI

это ты >С. Морейно<	58
белую голубку >Е. Клочковская<.....	59
куриная слепота >Г. Ефремов<.....	60
Синдзо Фукухара, 1931. фотография >Т. Орал<	61
на автобусной станции >Т. Орал<	62
выезд одного класса >Т. Орал<	63
орел и решка >Т. Орал<	64
вырванная страница. сказка >Т. Орал<	65
будущая >Т. Орал<	66

VII

косточка вишни >Г. Ефремов<	67
вишня под окном >Т. Орал<	68
Мак >Е. Клочковская<	73
из «Виленских трехстиший» >Г. Ефремов<	78
сказка об одной спичке >Г. Ефремов<.....	80

VIII

элегия на приближающийся день рождения >Т. Орал<..	81
темные >Т. Орал<	83
на разных страницах >Т. Орал<	84
радиоточка >Т. Орал<	85
конец дня >Г. Ефремов<	86

из «Языческого цикла» >Г. Ефремов<	
рыба	87
сожженные кости	87
навечно с пробитым боком	88
ворота	89

IX

Ян Булгак >В. Асовский<	91
крупницы о Боге >Г. Ефремов<	92
экзакуция >Т. Орал<	93
в саду >Г. Ефремов<	94
лишь облака >Т. Орал<	95
памяти Юрги >Г. Ефремов<	96
недоказуемо, неповторимо, недостижимо >В. Асовский< ..	97
не опознает >Г. Ефремов<	98
единственная баржа >Г. Ефремов<	99

X

с лицом убитого клоуна >Т. Орал<	100
свадьба манекенов >Г. Ефремов<	101
гномик >Г. Ефремов<	102
никогда не жил >Т. Орал<	103
сам себе >Г. Ефремов<	104
лисица в норе >Т. Орал<	105
снежинка, выпавшая зимой >Т. Орал<	106
стиснутая горсточка лета >Т. Орал<	107
диалог. зима >Т. Орал<	108

XI

теми же слезами >Г. Ефремов<	109
не до берега >Г. Ефремов<	110
еще о лодках >Т. Орал<	111

на рассвете >Т. Орал<	112
только не тот >Т. Орал<	113
примус >Г. Ефремов<	115
на освещенном снегу >Т. Орал<.....	117
василек >Т. Орал<	118
конец лета >Г. Ефремов	119
пока не открылось море >С. Морейно<.....	120
<i>Примечания</i>	123
Андрей Бауман. <i>Обретение детства</i>	124
<i>Переводчики и редакторы</i>	127

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

БРАТ GRIMM

книги

Леты Земадени, Станислава Винценца, Щепана Твардоха,
Зигмунта Хаупта, Аншлава Эглитиса

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

книги

Яна Вагнера, Рафала Воячека, Сигитаса Гяды,
Тимотеуша Карповича, Мариэллы Мер, Моники Ринк,
Збигнева Херберта, Эберхарда Хефнера,
Ульфа Штольтерфота

www.gulliverus.ru; www.gvideon.com

По поводу покупки книг звонить: +7 (905) 575 41 03

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии Cherry Pie

112114 Москва, 2-й Кожевнический пер. 12